

Пархоменко Елена Владимировна

старший преподаватель

ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный

технологический университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ «ВОРОВСКОГО» АРГО

Аннотация: в статье описываются подходы в изучении феномена воровского арго, рассматриваются основные концепции и проблемы становления аргологии в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: арго, оценский язык, блатной, феня, нонстандарт.

Феномен «воровского» арго всегда привлекал внимание научно-исследовательской аудитории. Первые шаги ученых в практическом ознакомлении с данным феноменом языковой картины мира носили полевой характер, в результате которого была накоплена мощная источниковая база в лингвистическом плане.

Одним из первых словарных материалов об условном языке бродячих торговцев-оценей зафиксирован в «Словаре Академии Российской» (1789–1794). В 1820-е годы в журнале «Московский телеграф» появляются первые работы, посвященные условному языку волжских разбойников. В 1850-е годы В.И. Даль составляет словарь «Условный язык петербургских мошенников». В 1859 году появляется словарик «Собрание выражений и фраз, употребляемых Санкт-Петербургскими мошенниками», в 1903 году – «Босяцкий словарь» Ваньки Беца, в 1908 словарь В.Ф. Трахтенберга «Блатная музыка. Жаргон тюремы».

До конца восемнадцатого века у науки не имеется письменных источников об отце тюремно-воровского языка «Оценском» языке. Возможно, это связано с существованием единого языкового сплава (торговцев, нищих, музыкантов) и невозможностью выделения именно оценского. Окончательно сложившийся и укоренившийся в культуре, он фиксируется первыми исследователями: П.С Паллас «Сравнительный словарь всех языков и наречий» 1789, Ф. Глинка «Письма к другу» 1816, выпуски общества любителей русской словесности, где

в приложениях опубликован список неизвестных до сих пор слов под названием «Офенское наречие» с переводом на литературный язык [1].

К истории изучения тюремы в нашей стране относятся и «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского. Он описывает тюрьму как «особый мир, ни на что более не похожий», где «были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо Мертвый дом, жизнь – как нигде, и люди особенные» [2].

В первые годы советской власти специфике тюремы как социокультурного института уделялось повышенное внимание. В 1925 г. выходит книга известного криминолога М.Н. Гернета «В тюрьме: Очерки тюремной психологии», которая до сих пор привлекает внимание специалистов. Изучаются отдельные артефакты тюремной культуры. Так, иркутский фольклорист Н.М. Хандзинский публикует статью «Блатная песня», в которой впервые разделяет «тюремную песню» и «блатную поэзию» – «истинно-тюремный феномен, отличающийся специальной тюремной формовкой» [3].

Во второй половине XX века тема приобретает особое значение в связи с открытием новых архивов, воспоминаний бывших заключенных, что дает возможность работы с первоисточниками. Следует подчеркнуть выход на дискуссионный характер обозначенной проблематики. Большая часть исследований посвящена общему анализу субкультуры.

Работы Ю.Н. Афонина, П. Никитина, Д. Лихачева исследуют внутренний мир тюремы. В публикации С. Снегова «Язык, который ненавидит» сделан обзор аргота с лингвистической и этической стороны. Автор придерживается мнения бедности и аморальности «фени». Иной взгляд в исследовании В. Чалидзе «Уголовная Россия», который прослеживает становление криминального языка с момента его возникновения в период средневековья до третьей четверти двадцатого века как неотъемлемую часть и естественное образование криминальной субкультуры.

Некоторые аспекты изучения языка заключенных прослеживаются и в работах зарубежных исследователей. Публикация Р. Марусте «Преступная субкультура в тату, жестах, сленге» анализирует субкультуру сквозь призму языка.

Определенная часть авторов не просто делятся жизненным опытом, а на основании имеющегося у них материала анализируют данный феномен, что дает возможность использовать данный вид публикаций и как литературу, и как источник.

Ж. Rossi в работе «Справочник по ГУЛАГу» в 2-х т. зафиксировал словарь «блестного жаргона», В. Шаламов «Колымские рассказы», А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ» открыли для читателей мир быта заключенного, где предоставлен достаточный материал и по фольклору.

Весьма любопытный взгляд в 1990-х годах отмечен у В. Кабо и Л. Самойлова в журнале «Советская этнография» ученые используя метод «погружения» связывают бытие в экстремальных условиях (система ГУЛАГа) с воспроизведством некоторых механизмов первобытного социума, что проявляется в табуировании слов, иерархичности социальной группы, появлении тайных знаков [4]. В рамках лингвистических исследований представляет большой интерес работа З. Кестер-Тома «Стандарт, субстандарт, нонстандарт», где в иерархической модели русского этноязыка жаргон, сленг, арго ввиду отсутствия системности и ограниченности лексико-фразеологического уровня автор относит к типичным представителям языкового нонстандарта [5].

Известный лингвист и социолог М.Г. Грачев продолжая тему исследования воровского языка (около 25 лет) опубликовал масштабную работу «Словарь тысячелетнего русского арго», где собрал огромный материал, посвященный процессу становления арго. Одно из систематических исследований закрытого духовного мира постсоветского арестанта принадлежит Е. Ефимовой «Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор». Автор проникает в семиотическое поле духа закрытого сообщества, от мифа к песне впервые прокладывает дорогу к неизученному миру [6].

В рамках диссертационных и монографических исследований тема воровского арго мерцает в различных проблемных аспектах. Среди многочисленного количества работ следует отметить:

1. М.Н. Приёмышева в работе Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект рассматривает на основе источников существование и влияние тайных языков на языковую картину мира [7].

2. В.И. Желвис исследует общую проблему обсценной лексики в монографии «Поле браны. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира» [8].

3. В.С Елистратов в исследовании «Арго и культура» (на материале современного московского арго) исследует бытование пласта арго, характеризует его внутреннюю структуру и определяет влияние на культурное пространство общества.

На сегодняшний день тема воровского арго приобретает широкое и существенное значение в науке. Комплексные исследования, в рамках синтеза лингвистики, криминологии, философии, культурной антропологии и психолингвистики способны ответить на актуальные вопросы современного общества.

Список литературы

1. Бондалетов В.Д. В.И. Даль и тайные языки в России. – М., 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fictionbook.ru/pages/download_prew/?file=7987334
2. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф.М.: Полн. собр. соч.: В 30-ти т. – Л., 1972. – Т. 4. – С. 9.
3. Хандзинский Н.М. Блатная поэзия // Сибирская живая старина. – 1926. – Вып. 1(V). – С. 41–42 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke1/ke1-a421.htm
4. Кабо В. Структура лагеря и архетипы сознания // Советская этнография. – 1990. – №1. – С. 108–113.

5. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт. Русистика. – Берлин, 1993. – №2. – С. 15–31 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.philology.ru/linguistics2/koester-93.htm
6. Ефимова Е. Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор. – М., 2004.
7. Приёмышева М.Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект: Автореф. дис. на соискание докт. филол. наук.: 10.02.01 / Приемышева Марина Николаевна. – СПб., 2009. – 43 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iling.spb.ru/dissovet/old-abstracts/priemysheva/abstract.pdf>
8. Желвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М., 2001.
9. Елистратов В.С. Арго и культура (на материале современного московского арго): Автореф. дис. на соискание кан. филол. наук.: 10.02.19 / Елистратов Владимир Станиславович. – М., 1993. – 22 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/argo-i-kultura-na-materiale-sovremennoego-moskovskogo-argo>